

УТРО

— Кося, ты просто ленивая! Кося, ты ленивая, как... как... как не знаю кто! — сердито заявила Славка. — И все твои отмазки — это для меня не аргументы! Почему ты не хочешь идти?! Назови хоть одну уважительную причину!

— Славка, отстань от меня, — сказала Александра. — Просто не хочу — и всё. По-моему, это очень уважительная причина. И не называй меня Косей.

— Это не уважительная причина! — Славка совсем рассердилась. — Скажи мне, почему ты не хочешь идти, и я скажу тебе, кто ты. И не называй меня Славкой. Особенно при всех. А то уже все начинают так звать.

— Хорошо, Ярослава Вячеславовна, — смиренно согласилась Александра. — А так можно называть? При всех?

— Вы все надо мной издеваетесь, что ли?! — возмущенно заорала Славка. — Сами ребенка как попало назовут, а потом сами издеваются!

— Я тебя так не называла, — возразила Александра. — Имя тебе дала мама. А отчество — папа.

— А ты куда смотрела? — Славка воинственно тарщила глаза и надувала щеки. Мимика у нее

с детства почти не изменилась. — Ты что, не могла человека защитить?! А еще друг называется! Эх, Кося, Кося... И не уходи от темы разговора. Последний раз спрашиваю: пойдешь или нет?

— Последний раз отвечаю: не пойду! — Александра для убедительности хлопнула ладонью по подлокотнику кресла, помолчала и строго добавила: — И не называй меня Косей.

Подлокотник кресла был мягкий, и хлопок получился не очень убедительным. Но Славка всё равно обиделась, посверлила Александру воинственным взглядом, понадувала щеки, потом молча отвернулась и уставилась в окно. Уставилась так пристально, как будто мишень там высматривала. У Славки с детства была такая особенность: если вдруг на что-то уставится — все окружающие тут же начинают смотреть на то же, на что смотрит она. Поэтому, конечно, и Александра тут же уставилась в окно.

За окном было хорошо. Октябрь уже заканчивается, а желтых листьев на деревьях совсем мало. Только у берез верхушки пожелтели. И осиновыe листья слегка подернулись красной ржавчиной по краям. Хризантемы еще цветут, подумать только... Тихо, тепло, солнышко такое хорошее. И небо чистое, высокое, синее. Правда, не такое яркое, как посреди лета, но это даже и кстати. Яркое летнее небо не так безупречно гармонировало бы с легкой желтизной берез, поздними хризантемами и изобильными гроздьями красной рябины. Ягод так много, что за ними даже листьев не видно. В прошлом году красной рябины было так же много, говорили, что это к суровой зиме. А зимы вообще, считай, не было. Так, пару недель подержался какой-то незначительный минус, а по-

том — опять дожди. Александра уже и не помнила, когда последний раз была настоящая морозная зима. Совсем погода с ума сошла.

Наверное, новую шубу покупать не стоит. И тех, что есть, при таких смешных зимах до конца жизни не износить. Надо какую-нибудь из шуб Славке отдать. Кажется, ей больше всех рыжая нравилась. Или белая? Надо обе отдать. А то будет ребёнок по морозу опять в чем попало шастать. Ведь когда-нибудь будут же настоящие морозные зимы. Кофточка до пупа: мода! Вот интересно, чем мать думает, когда такие тряпочки ребенку привозит? Да то же самое и думает: мода! А что эти модельеры живут во всяких Италиях и Франциях и вряд ли когда-нибудь ходили по зимней России в своих кофточках до пупа — так об этом никто не думает.

— Кося, ты упрямая, как осёл, — со слезой в голосе сказала Славка, не отрываясь от окна.

Неужели правда плакать собралась?

— Не называй меня Косей, — машинально пробормотала Александра. — Я же сказала: не хочу. И зачем тебе надо, чтобы я пошла?

— Я людям уже пообещала... — Славка запнулась, шмыгнула носом и неуверенно посопела. — То есть я не то чтобы прямо вот так вот конкретно пообещала... Ну, в общем, Лерка просила тебя к ним привести... то есть пригласить. Там очень приличное общество будет, очень, ты не сомневайся. Из бизнеса люди, из администрации кое-кто... Из телевидения тоже. И вообще...

Александра молчала и смотрела в окно. Славка тоже замолчала, опять принялась шмыгать носом и громко вздыхать, наконец решилась:

— Шеф Вовкин придет. Ну, начальник Леркиного мужа. Это же очень важно, чтобы начальник видел, какие у человека знакомства. Это для карьеры — почти самое главное. Кося, ты ведь и сама всё понимаешь, да?

— Не понимаю, — холодно сказала Александра. — Бизнес, телевидение, из администрации кое-кто — что ещё твоей Лерке надо? И не называй меня Косей! Сколько раз можно повторять?

— Кося, ну, ты сравнила! — театрально изумилась Славка. — Какая-то местная шушера — и ты!

— И я, заезжая шушера, — подсказала Александра совсем уж холодно.

— Ничего себе! — Славка шарахнулась от окна и забегала по комнате, размахивая руками и натываясь на мебель. — Кося, ведь все знают, кто твой муж!

— Ах, муж... — Александра отвернулась от окна и принялась неодобрительно следить за Славкиными метаниями из угла в угол. — Муж, конечно, а как же, понятно, понятно... Но Максим Владимирович приезжать не собирался.

Славка с разбегу налетела на спинку кресла, оставалась как вкопанная, зашипела сквозь зубы и медленно повернулась. Хотела, кажется, что-то сказать, но встретила с Александрой взглядом, тяжело вздохнула, надула щеки, набычилась и скосила глаза в угол. В углу стояла большая дорожная сумка. Александра не успела ее разобрать. Может быть, и не стоит? Раз уж тут она желанный гость не сама по себе, а как жена Максима Владимировича. Ишь ты — Вовкиному шефу позарез надо знать, какие у подчиненного знакомства! Может быть, и сама

Славка хочет продемонстрировать свои знакомства? Может быть, и ей приспичило срочно карьеру делать? А ведь всё время казалось, что растёт совершенно нормальной девчонкой.

— Сдался мне твой Максим Владимирович... — Славка надменно фыркнула, быстро глянула на Александра и опять уставилась в угол. — Если хочешь знать, он мне вообще даже и не нравится. Тоже мне, шишка на ровном месте... Ты себе и не такого могла бы найти. Пусть спасибо скажет, что ты за него замуж пошла. А не за какого-нибудь короля или там президента. Или за вообще Шварценеггера...

— Давно я тебя не порола, — грустно заметила Александра. — Ты что, не знаешь, что жене нельзя плохо говорить о муже? В смысле — нельзя плохо говорить о муже в присутствии его жены. Вообще-то ни о ком за глаза нельзя плохо говорить... И кто только тебя воспитывал, Славка?

— Хе, кто меня только не воспитывал! — Славка с явным облегчением заулыбалась, потопала в угол, подхватила дорожную сумку Александры и поволокла ее на диван. — Главным образом ты, Кося, и воспитывала. И не называй меня Славкой, сколько можно повторять... Чего это ты в баул напихала? Кирпичи, что ли? Очень кстати. Бабуля давно всем мозги продолбила: надо летний домик строить, надо летний домик... Завтра приедет — как раз и займётесь. Раз уж стройматериал будет... Нет, Кося, правда — что хоть там у тебя? Может, ты сухой паёк с собой возишь? Парочку ведёрок картошечки, а? Десяточек палочек колбаски копчёненькой? Консервов всяческих баночек пять-шесть-семь-восемь? А может, ты мне подарочек привезла? Кру-у-упненький? При-

знавайся, Кося, какие там слитки-золотые самородки, какие бриллианты-яхонты! Я любой крупный бриллиант и самородок приму с большой человеческой благодарностью.

— Иди делом займись, — сурово приказала Александра. — Чайник поставь. У меня со вчерашнего вечера маковой росинки во рту не было. Так-то ты гостей принимаешь, бессовестная. Иди, иди, я сама сумку разберу. Будет тебе крупный подарочек. И бриллианты-яхонты будут, корыстный ребёнок. И копчёная колбаса будет... Ведь пустой холодильник, да? Так-то ты меня ждала, Славка?.. И не называй меня Косей.

Славка шлёпнула сумку Александры на диван, демонстративно отёрла воображаемый пот со лба, выразительно перевела дух и принялась по-хозяйски расстёгивать замки. Расстегнула, с жадным любопытством сунула в сумку нос — и тут же отступила, даже отшатнулась, выпрямилась и негодуяще заявила:

— Я так и знала! Опять работу привезла! А говорила, что отдохнуть приедешь. Кося, ты обманщица. Раз такое дело, то никогда больше не называй меня Славкой.

Повернулась и пошла к двери, злобно пофыркивая и бубня себе под нос что-то вроде обвинительного заключения. Что-то вроде «приговор окончательный и обжалованию не подлежит». Или, может быть, что-то вроде «диагноз неутешительный, медицина бессильна». Славка всегда бубнила одно и то же, когда в дорожной сумке Александры первым делом натывалась на увесистые папки с рукописями, требующими прочтения. Славка считала, что подавляющее большинство рукописей, которые Александра обыч-

но привозила с собой, прочтения не требуют. Более того — не заслуживают. В глубине души Александра считала точно так же. Но ведь прежде чем понять, заслуживает рукопись прочтения или не заслуживает, её надо было прочитать. Это была её работа. Работы было много, вот и приходилось кое-что брать на дом. На отдых. Ну и что? Не телевизор же на отдыхе смотреть, правда? К тому же в этот раз она взяла только одну рукопись — первую попавшуюся, даже не посмотрела, кто там автор. Может быть, из таких, которых она не дочитывала и до третьей главы. Может быть, и в этот раз она прочтёт первые двадцать страниц, а потом аккуратно упакует листочки в папку и нарисует на папке красным фломастером маленький крестик. Что будет означать: спасибо, больше не надо. Просьба не беспокоиться. А потом спрячет папку назад в сумку и будет честно отдыхать. А почитать можно и что-нибудь из необъятной библиотеки Михаила Яковлевича, Славкиного деда, царство ему небесное. Удивительный у Славки был дед, просто удивительный. Александра никогда не видела Михаила Яковлевича. Она видела его библиотеку. Шесть тысяч томов! В домашней библиотеке! И какие книги! Михаил Яковлевич, бесспорно, не мог не быть удивительным судя хотя бы по тому, какие книги он читал. Уж в чем в чем, а в книгах Александра кое-что понимала.

— Кося! — нетерпеливо заорала из глубины дома Славка. — Сколько тебя ждать можно? У меня всё готово! И еда, между прочим! И не что попало, а деликатесы! Мы тут не нищенствуем, чтоб ты знала! Иди скорей, голодная ты наша. А то я тоже есть хочу...

Александра сунула папку с рукописью в стол, ящики которого много лет назад специально освободили для того, чтобы она при приезде совала туда рукописи. И платяной шкаф уже много лет подряд ждал её приездов: совершенно пустой, а на штанге болтается десяток разнокалиберных вешалок и мешочек с лавандой. Тумбочка для постельного белья — напротив, забита под завязку подушками, одеялами, простынями-наволочками-пододеяльниками и полотенцами всех размеров и расцветок. В отдельном отсеке тумбочки — два махровых халата и три ночные рубашки. Рубашки — всегда новые. Александра никогда не спала в ночных рубашках, не любила. В пижаме было гораздо удобнее. Но в этом доме ее всегда ждали три новые ночные рубашки. Так трогательно. Надо, в конце концов, хоть один раз какую-нибудь из них надеть.

В дверь сунулась Славка, повела носом, деловито спросила:

— Кося, чего в кухню-то нести? Ведь опять понавезла чего-нибудь, а? Ну, давай, помогу волоочь, так уж и быть. Эксплуатируют ребёнка все как хотят... Вот этот пакет, да? Давай, давай, чего там... А в этом пакете что? Тоже еда? Ну, давай и этот тоже. Ничего, не надорвусь. Мы привычные. Такая наша тяжёлая женская доля. Идём уже, чего ты возишься! Потом всё разложишь. Между прочим, у меня там омлет по-бразильски. Знаешь, что это такое?

— Нет, — призналась Александра, стараясь, чтобы в голосе не слышался сдерживаемый смех. — Славка, по-моему, ты что-то путаешь. Кажется, в национальной бразильской кухне нет такого блюда, как омлет. Мне ни в одном ресторане ничего подобного не встречалось.

— В ресторане! — презрительно буркнула Славка, вваливаясь в кухню и складывая пакеты на большой и пустынный рабочий стол. — Ты, Кося, вместо того, чтобы по ресторанам шастать, зашла бы лучше в скромный дом какого-нибудь простого бразильского гражданина, спросила бы, что ему жена на завтрак готовит, — вот тогда бы и узнала, что такое настоящий омлет по-бразильски.

— А ты что, была в доме простого бразильского гражданина? — Александра с интересом ждала ответа. Действительно с интересом. Славка имела обыкновение на любой вопрос отвечать совсем не так, как от нее ждали. Не врала, нет. И не выдумывала ничего. Но отвечала неожиданно.

— Зачем? — искренне удивилась Славка. — Ты, Кося, все-таки страшно далека от народа. Ты ведь как думаешь? Если хочешь попробовать бразильскую кухню — так надо идти в бразильский ресторан или вообще переться в самую Бразилию, да? Тебе ведь даже в голову не приходит, что простые российские граждане могут знать о простых бразильских гражданах, никогда не покидая своих простых бескрайних просторов. И даже — своих скромных домов. Потому что о Бразилии, Кося, простым гражданам всё рассказывают по телевизору. Каждый вечер. Или каждое утро. Это смотря по какой программе.

— А! — догадалась наконец Александра. — Бразильские сериалы! Но ведь, кажется, они все уже давно кончились? Когда это ты успела их пересмотреть? А потом, я что-то не представляю, чтобы в сериале могли рассказывать, как приготовить омлет по-бразильски.

— Не, я не успела. — Славка с сожалением щёлкнула языком. — Когда эти сериалы табуном погнали, я ещё маленькая была. А бабуля всё пересмотрела. Говорит, там масса ценной информации. Омлет по-бразильски тоже оттуда. Там один бразилец своей бразилихе завтрак готовил, накидал всего на сковородку, потом разболтал в сливках яичный порошок — и тоже в сковородку вылил. А потом сказал: «Я приготовил тебе омлет, любимая». Бабуля говорит, что перевели как «омлет», она хорошо расслышала. А что он там на сковородку кидал — это она разглядела и всё записала, чтобы потом не забыть. Так что натуральный омлет по-бразильски, можешь не сомневаться. Только яичный порошок в наших местах достать невозможно, пришлось его свежими яйцами заменить. А за оливковым маслом я вчера специально в магазин ходила, и за сосисками, и за кукурузой, а кабачки свои, в этом году кабачков — как грязи, вся кладовка одними кабачками забита... Кося, чего ты сидишь, как в гостях? Ешь давай, смотри, как я всё красиво приготовила. Можно сказать — почти гламурно. А колбасу твою пока резать не будем, да? Колбасу я свою уже порезала. Где это она? А, в холодильнике... Сейчас выну. Во, и сок ещё, чуть не забыла, омлет по-бразильски положено запивать томатным соком.

Александра сидела и с некоторой оторопью смотрела, как Славка сервирует завтрак. Довольно большой обеденный стол и так уже был заставлен тарелками, мисками, салатницами, вазочками и баночками, и в каждой посудине — гора какой-то еды. А Славка всё пыталась найти свободное место, чтобы воткнуть в это изобилие ещё несколько тарелочек,

вазочек и баночек. И огромную фарфоровую селедочницу. Завтрак? На этом завтраке месяц спокойно могли бы продержаться заблудившиеся в горах туристы. И даже не похудели бы.

— Славка, ты, наверное, кого-то в гости ждала? — виновато спросила Александра. — Вон сколько всего наворочала. А тут я приехала и устроила тебе... облом.

— Я тебя в гости ждала, — обиделась Славка. — Кого мне ещё ждать, сама подумай... Вот ведь ты какая, Кося, недоверчивая! Если не приготовлю ничего — так сразу «ты меня не ждала», если приготовлю — так «ты ждала не меня»! Между прочим, я вчера весь вечер на готовку убила. И всё ради тебя. Чтобы ты удивилась и обрадовалась, какая я молодец и вообще... А ты даже не похвалила меня! Кося, разве ты не знаешь, что детей надо хвалить? Особенно если заслужили. А то они вырастают с огромным комплексом неполноценности. И не называй меня Славкой.

— Хвалю. Заслужила... — Александра осторожно попробовала гипотетический омлет по-бразильски. Очень даже ничего. Хотя вряд ли это омлет. Наверняка перевели неточно. Или Славкина бабуля не расслышала. — Но знаешь, Славка, ты никогда бы не выросла с огромным комплексом неполноценности. Или даже с маленьким. Ни с каким. Потому что у тебя врождённый комплекс полноценности. Можно сказать, мания величия. К тому же твоя врожденная мания величия попала в благоприятные условия и разрослась до нечеловеческих размеров. И расцвела махровым цветом. Просто не знаю, что теперь с тобой делать. И не называй меня Косей.

— Это мы уже помирились, я правильно понимаю? — Славка отвалилась от стола, перевела дух,